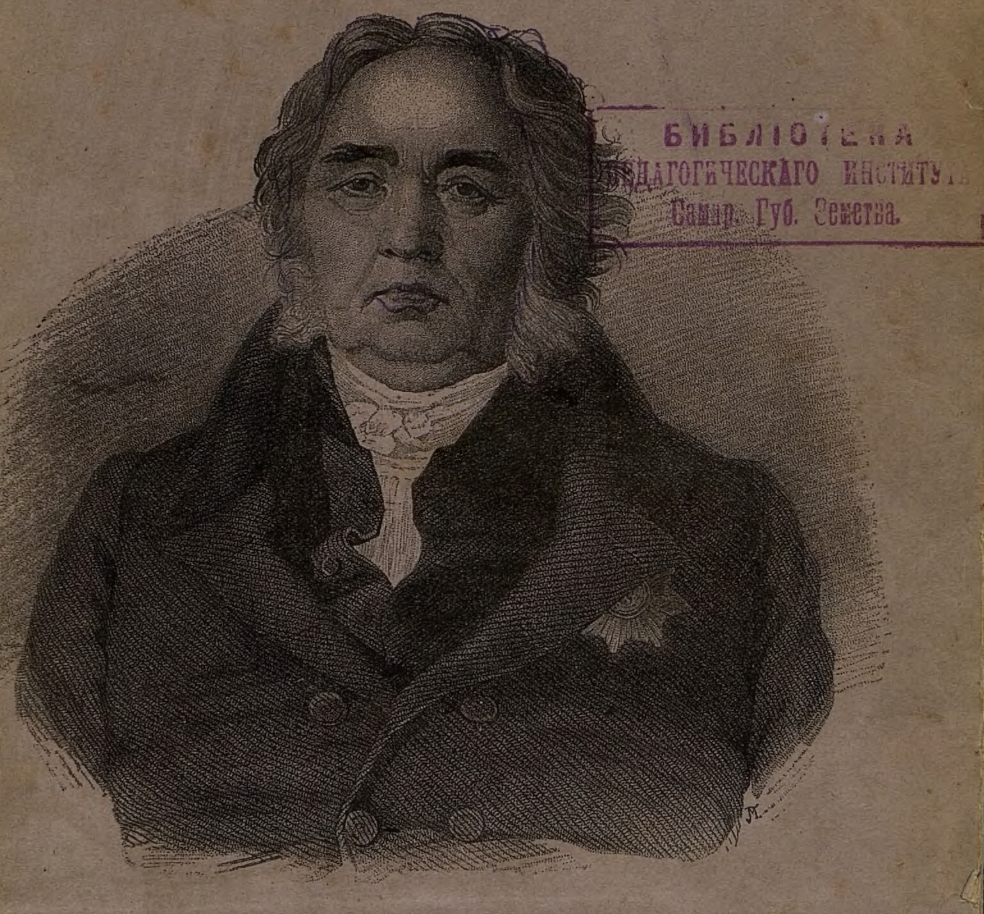
И. А. КРЫЛОВЪ И ЕГО БАСНИ

(1844—1894 г.)

Составлено Профессоромъ Императорскаго Новорос. Университета А. И. Маркевичемъ.

Изданіе Кирилло-Меѳодіевскаго книжнаго склада
при Городской Аудиторіи Народныхъ Чтеній.

Одесса, 1895.
Типографія Л. Кирхнера (Пушкинская ул., № 19).

В. И. ЛЕНИН

БЫЛ САМЫМ АККУРАТНЫМ

ЧИТАТЕЛЕМ БИБЛИОТЕКИ

Владимир Ильич, разумеется, не считал предосудительным или ниже своего достоинства быть одним из самых аккуратных абонентов библиотеки имени Г. А. Куклина. Он вполне одобрял и ценил заведенные нами „строгие" порядки, обеспечивающие правильный кругооборот книг и целость редкостных экземпляров и архивных материалов. Владимир Ильич НЕ „ЗАЧИТАЛ" НИ ОДНОЙ КНИГИ и всегда уплачивал за чтение по тарифу.

Из воспоминаний тов. Карпинского, „Записки Института ЛЕНИНА" т. II, стр. 97.

Издание Куйбышевской областной библиотеки

ЕО 13578 Зак. 50 тир. 50000. Тип. КуАИ

И. А. КРЫЛОВЪ И ЕГО БАСНИ

Составлено Профессоромъ Импер. Новорос. Университета А. И. Маркевичемъ.

ОДЕССА.
Типографія Л. Кирхнера (Пушкинская ул., № 19).
1895.

Дозволено цензурою. Одесса, 6 Октября 1894 г.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ и его басни.

И. А. Крыловъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ популярнѣйшихъ нашихъ писателей. Дѣти, еще не умѣя читать, заучиваютъ наизусть со словъ родителей его басни и вмѣстѣ съ тѣмъ навсегда запечатлѣваютъ въ своемъ умѣ симпатичный имъ образъ дѣдушки Крылова; учащіеся, въ какихъ-бы учебныхъ заведеніяхъ имъ ни пришлось у насъ воспитываться, основательно знакомятся съ личностью и сочиненіями Крылова, а еще болѣе съ чудеснымъ, хотя и оригинальнымъ языкомъ его басенъ; отдѣльныя выраженія изъ этихъ басенъ давно сдѣлались ходячими поговорками и передаются изъ рода въ родъ. Правда, люди, считающіе свое образованіе законченнымъ, не имѣютъ привычки спеціально перечитывать сочиненій Крылова, полагая, что достаточно изучили ихъ въ школѣ; но, если кому понадобится одна изъ басенъ Крылова, или просто попадется въ свободную минуту ихъ собраніе и онъ вздумаетъ на удачу раскрыть книгу, тотъ будетъ читать эти басни одну за другой и не оторвется отъ нихъ, пока ему возможно. И снова встанетъ передъ нимъ, какъ живой, образъ дѣдушки Крылова.

9 ноября настоящаго 1894 года исполнится 50-лѣтіе со дня смерти этого знаменитаго писателя; самое время помянуть его хотя-бы краткимъ словомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ разсказать, что это за дѣдушка Крыловъ и въ чемъ сила его басенъ.

Родился И. А. Крыловъ 2-го февраля 1768 г. въ Москвѣ, гдѣ жилъ его отецъ, образованный, хотя и не богатый офицеръ; мать Крылова тоже была умная и дѣятельная женщина. Когда Крылову было 5 лѣтъ, отецъ его перешелъ на службу въ небольшую Яицкую крѣпость въ глубинѣ обширной Оренбургской степи, гдѣ тогда русскихъ было мало, а болѣе кочевали инородцы. Въ это время въ мѣстности между рр. Волгой и Ураломъ вспыхнулъ бунтъ противъ правительства: казакъ Емельянъ Пугачевъ выдалъ себя за Императора Петра III, умершаго лѣтъ десять раньше. Пугачевъ, конечно, объявлялъ, что Императоръ, т. е. онъ самъ, не умеръ, а спасся; нашлись казаки и инородцы, недовольные тогдашнимъ управленіемъ, повѣрили Пугачеву и пристали къ нему,

бросились на находившіяся въ этой мѣстности крѣпости, нѣкоторыя изъ нихъ взяли, солдатъ приводили къ присягѣ на имя Императора Петра III и заставляли сражаться съ войсками правительства, а начальниковъ, не хотѣвшихъ измѣнить присягѣ, данной Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ II, мучительно казнили съ семьями. Такая участь ждала и Крыловыхъ, если-бы Пугачевъ взялъ Яицкую крѣпость, которая была небольшою и плохо вооруженною, — такою, какою изобразилъ Бѣлогорскую крѣпость нашъ знаменитый писатель Пушкинъ въ повѣсти „Капитанская дочка"; но защитники крѣпости геройски отбивали всѣ нападенія Пугачева и его казаковъ и крѣпость отстояли; а затѣмъ и самый бунтъ былъ подавленъ правительствомъ.

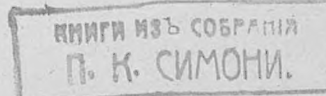
Плохо вознагражденный за свои заслуги, отецъ Крылова вскорѣ изъ военной перешелъ на гражданскую службу въ г. Тверь, гдѣ и умеръ, когда Крылову было всего лѣтъ 12. Учился онъ при жизни отца мало, и все дома, такъ какъ отдать его куда-либо на воспитаніе Крыловы не могли, они были люди бѣдные; впрочемъ, онъ уже недурно тогда зналъ французскій языкъ, много читалъ, особенно послѣ смерти отца, когда въ его распоряженіи оказался цѣлый отцовскій сундукъ съ книгами. Крыловъ даже пытался самъ сочинять, но неудачно. Не смотря на молодыя лѣта, Крыловъ поступилъ на службу писцомъ, сперва въ уѣздномъ городѣ Калязинѣ, потомъ въ Твери, но жалованье получалъ самое ничтожное. Именно въ это время Крыловъ могъ хорошо познакомиться съ положеніемъ чиновниковъ и ихъ бѣдностью, вынуждавшею ихъ не всегда добросовѣстно исполнять свои обязанности, брать взятки и изъ за нихъ кривить душой при рѣшеніи дѣлъ, обманывать начальство, льстя ему, незаконно тратить казенныя деньги; видѣлъ онъ и то, какъ начальники дурно обращались съ подчиненными, унижали ихъ и заставляли кривить душою въ своихъ выгодахъ подъ угрозою лишенія мѣста. Сохранилось преданіе, что Крыловъ въ это время особенно любилъ бывать въ такихъ мѣстахъ, гдѣ много народа: на площадяхъ, базарахъ, перевозахъ и т. п.; здѣсь онъ познакомился съ народною русскою рѣчью и слышалъ многія изъ тѣхъ поговорокъ и выраженій, которыя потомъ внесъ въ свои басни.

Когда Крылову было 15 лѣтъ, мать его, женщина энергичная, стала хлопотать о полученіи пенсіи за службу мужа и съ этою цѣлью переѣхала въ Петербургъ, куда и Крыловъ перешелъ на службу, причемъ сперва получалъ жалованья 2 р. въ мѣсяцъ. Изъ Твери онъ привезъ сочиненную имъ комедію „Кофейница", названную такъ потому, что въ ней выведена женщина, гадающая на кофейной гущѣ и предсказывающая за деньги всякую небылицу тѣмъ, кто, считая ее чародѣйкой, къ ней обращается, чтобъ узнать будущее.

Вознагражденіе за эту комедію Крыловъ получилъ не деньгами, а, по собственному желанію, сочиненіями знаменитыхъ писателей. Написанныя послѣ того Крыловымъ драмы были очень плохи и принесли ему развѣ ту пользу, что познакомили его съ знаменитымъ актеромъ Дмитревскимъ, который и сталъ ему разъяснять, какъ слѣдуетъ писать драмы и комедіи.

Оставшись послѣ смерти матери 20 лѣтъ, Крыловъ пересталъ служить и окончательно сдѣлался сочинителемъ; сперва онъ писалъ въ чужихъ журналахъ, потомъ, какъ человѣкъ практическій, пріобрѣлъ собственную типографію и самъ издавалъ журналы, гдѣ зачастую помѣщалъ сочиненія, въ которыхъ осмѣивалъ тогдашніе порядки. Такъ, въ „Похвальномъ словѣ моему дѣдушкѣ" Крыловъ разсказываетъ, будто этотъ дѣдушка съ дѣтства тиранилъ окружавшихъ его мальчиковъ изъ крестьянъ (тогда помѣщики владѣли крестьянами); отецъ далъ ему въ товарищи собачку: когда мальчикъ вздумалъ ее обижать, она его укусила, а отецъ его далъ ему такое наставленіе: „Развѣ мало около тебя холопей, кого тебѣ щипать? На что было тебѣ трогать собаку? Она вѣдь не слуга, съ нею надобно осторожнѣй обходиться, если не хочешь быть укушеннымъ". Ставъ помѣщикомъ, дѣдушка былъ неумолимымъ врагомъ зайцевъ и травилъ ихъ, гдѣ могъ, а когда зайцы стали забираться въ крестьянскіе хлѣба, онъ съ охотниками вытаптывалъ и хлѣба; такимъ образомъ онъ раззорилъ своихъ крестьянъ, но истребилъ у себя въ имѣніи всѣхъ зайцевъ! И умеръ онъ, гоняясь за зайцемъ: упалъ вмѣстѣ съ лошадью въ ровъ и оба погибли; авторъ не знаетъ, кого болѣе жалѣть — дѣдушку или лошадь? Въ другой повѣсти, султанъ (мусульманскій государь) собираетъ совѣтниковъ и спрашиваетъ у нихъ мнѣнія, проситъ свободно его высказывать, но грозитъ дать 500 ударовъ по пяткамъ тому, чье мнѣніе будетъ несогласно съ его собственнымъ. Писалъ въ это время увлекавшійся театромъ Крыловъ и комедіи, столь-же остроумныя; но стихотворенія его были не особенно хороши; чаще всего онъ жалуется въ нихъ на судьбу, на неудачи; говорятъ, что въ это время Крылову не повезло въ любви. Образъ жизни онъ велъ разсѣянный, игралъ въ карты, участвовалъ въ концертахъ, такъ какъ выучился самоучкою хорошо играть на скрипкѣ, учился по итальянски, пробовалъ рисовать и тоже не безъ успѣха.

Въ 1797 г. Крыловъ покинулъ Петербургъ и поѣхалъ въ деревню къ богатому вельможѣ кн. Голицыну, у котораго прожилъ года 4, не то какъ гость, не то какъ человѣкъ, обязанный заботиться о развлеченіяхъ княжеской семьи, для чего онъ устраивалъ концерты, домашніе спектакли; потомъ Крыловъ сталъ учителемъ русскаго языка у молодыхъ князей и училъ ихъ по своему: съ грамматикою не знакомилъ,

никакихъ правилъ не сообщалъ, а все разговаривалъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ съ учениками, стараясь выучить ихъ говорить по русски такъ-же ясно, просто и правильно, какъ онъ самъ; примѣры выраженій приводилъ очень мѣткіе и удачные, разсказывалъ онъ и читалъ мастерски; однако ученики его не долюбливали, видя его не совсѣмъ искреннія отношенія къ хозяевамъ, а еще болѣе насмѣхались надъ его выдающеюся страстью къ ѣдѣ. Для Голицынскаго-же театра написана Крыловымъ очень забавная комедія „Трумфъ", гдѣ выведенъ царь Вавила, вѣчно въ засѣданіи Совѣта пускающій кубарь, что онъ называетъ — заниматься государственными дѣлами. У царя есть дочь Подщипа, у нея женихъ Слюняй; ихъ связываетъ самая нѣжная любовь съ того, еще дѣтскаго, возраста, когда они пачкались въ грязи. Вдругъ на царство нападаетъ принцъ Трумфъ — грубый нѣмецкій солдатъ, тоже влюбленный въ Подщипу, которой онъ такъ объясняется въ любви, говоря, что онъ всегда о ней мечтаетъ: „Куритъ-ли трубка мой, изъ трубки твой пыхтитъ!". Но, взявши столицу царства, Трумфъ неожиданно оказывается великодушнымъ, устраиваетъ бракъ Подщипы и Слюняя и уходитъ; влюбленные готовятся къ свадьбѣ, а царь Вавила идетъ снова заниматься государственными дѣлами.

Въ 1801 г. кн. Голицынъ назначенъ былъ военнымъ губернаторемъ въ г. Ригу; Крыловъ сталъ его секретаремъ, но года черезъ два снова покинулъ службу и снова-же въ теченіе 5 лѣтъ велъ разсѣянный образъ жизни; болѣе всего онъ увлекался картежной игрой, разъѣзжая по Россіи и играя такъ удачно, что въ результатѣ у него оказались значительныя средства, давшія ему возможность дальнѣйшаго безбѣднаго существованія. Предположимъ, что Крыловъ въ это время умеръ; осталась-бы о немъ память (если-бы еще осталась), какъ о способномъ писателѣ недурныхъ насмѣшливыхъ повѣстей и комедій, но такихъ, какихъ въ его время было не мало; были даже гораздо лучшія, напр., комедіи Фонъ-Визина. Словомъ, Крыловъ считался-бы второстепеннымъ писателемъ, если не менѣе; а ему уже въ это время было до 40 лѣтъ, и именно можно было ожидать, что литературная дѣятельность его тѣмъ и закончится; въ сущности-же она еле начиналась, и вся слава Крылова была впереди!

Еще въ началѣ своего писательства Крыловъ пробовалъ сочинять басни, но, увлекшись театромъ, бросилъ это занятіе. Въ 1806 г., проѣздомъ черезъ Москву, онъ явился къ Дмитріеву—вельможѣ и извѣстному тогда писателю, сочинявшему и басни, и прочелъ ему три переведенныя имъ басни знаменитаго французскаго баснописца Лафонтена: Дубъ и трость, Разборчивая невѣста, Старикъ и трое молодыхъ. Дмитріевъ похвалилъ переводчика басенъ и посовѣтовалъ продолжать, что Крыловъ и сдѣлалъ, хотя не очень спѣшно. Въ

1808 году онъ напечаталъ впервые 17 своихъ басенъ, а въ 1809 г. издалъ небольшой сборникъ ихъ, числомъ 23; этого было достаточно для его извѣстности. Черезъ годъ Крыловъ издалъ еще 21 басню, потомъ стали появляться все новыя и новыя басни, доставившія Крылову и знаменитость. Такимъ образомъ Крыловъ нашелъ, наконецъ, для себя правильную литературную дорогу! О басняхъ Крылова мы будемъ говорить далѣе, а теперь докончимъ разсказъ о его жизни. Басни сблизили Крылова съ тогдашними знаменитыми писателями, доставившими ему мѣсто библіотекаря въ открывшейся въ 1812 году Императорской Публичной Библіотекѣ. Здѣсь прослужилъ онъ съ 1812 г. по 1841 г., являясь каждый день, но въ сущности для того, чтобы подремать, лежа на диванѣ; онъ даже былъ недоволенъ, если кто изъ посѣтителей, еще не знавшій его, безпокоилъ его просьбой о какой-либо книгѣ. Жилъ Крыловъ все это время на одной и той-же казенной квартирѣ, въ зданіи Публичной Библіотеки, причемъ о его образѣ жизни и лѣни сохранилось множество анекдотическихъ разсказовъ. Все время внѣ службы онъ проводилъ дома, неодѣтый, лежа на кровати или на диванѣ и читая, что попадется, хотя-бы глупѣйшій романъ; комнаты у него никогда не убирались отъ пыли и отъ слѣдовъ посѣщенія голубей, которыхъ онъ прикармливалъ; дорогія иногда вещи были въ полномъ пренебреженіи. Писалъ басни онъ все рѣже и рѣже и на упреки въ этомъ отвѣчалъ, что предпочитаетъ слушать этотъ упрекъ, а не другой: что ему давно уже пора перестать писать. Папиросы онъ закуривалъ первою попавшеюся подъ руки бумагою, напр. вырваннымъ изъ книги листомъ, а не то новою сочиненною имъ басней, погибавшей такимъ образомъ безслѣдно, и лишь немногія спаслись случайно, взятыя со стола кѣмъ либо изъ пріятелей. Примѣромъ лѣни Крылова можетъ служить слѣдующій случай: Висѣвшая на двухъ гвоздяхъ надъ диваномъ, гдѣ любилъ лежать Крыловъ, большая картина сорвалась съ одного гвоздя и повисла бокомъ, угрожая паденіемъ. Когда Крылову указывали опасность и говорили о необходимости снова повѣсить картину какъ слѣдуетъ, онъ отвѣчалъ, что по сдѣланному имъ вычисленію, картина, окончательно оборвавшись, упадетъ извѣстнымъ образомъ, а его на диванѣ не задѣнетъ! — Обѣдалъ Крыловъ чаще всего въ англійскомъ клубѣ, гдѣ онъ могъ поѣсть вкусно, а послѣ обѣда любилъ посидѣть въ говорильнѣ, т. е. въ комнатѣ, гдѣ шла послѣобѣденная бесѣда; Крыловъ сидѣлъ въ креслѣ, закрывъ глаза, точно спалъ, но мѣткія и насмѣшливыя замѣчанія, вставляемыя имъ въ разговоръ, показывали, что онъ его слушаетъ; иногда онъ смотрѣлъ, какъ играютъ въ карты, и разсказывалъ анекдоты. Вечера-же часто проводилъ въ близкой ему семьѣ директора Публичной Библіотеки—Оленина, но бывалъ охотно и у дру-

гихъ знакомыхъ, гдѣ его хорошо принимали и угощали. Такъ прожилъ Крыловъ почти всю жизнь, пользуясь милостивымъ расположеніемъ Государя, осыпавшаго его наградами, и всей царской фамиліи и популярностью среди петербургскаго населенія. Только послѣдніе годы жизни одряхлѣвшій Крыловъ провелъ въ уединеніи и скончался отъ желудочной болѣзни 9 ноября 1844 г., имѣя почти 77 лѣтъ. Имущество свое онъ завѣщалъ усыновленной имъ семьѣ своей крестницы—его-же горничной. Могила Крылова находится въ Петербургѣ, на кладбищѣ Александро-Невскаго монастыря; а въ Лѣтнемъ саду Петербурга, въ уютномъ уголкѣ поставленъ ему чудесный памятникъ, на которомъ Крыловъ изображенъ такимъ, какимъ онъ часто бывалъ въ жизни: онъ сидитъ въ естественной и покойной позѣ, одѣтый въ халатъ, воротъ рубахи разстегнутъ; въ рукахъ у Крылова книга. На пьедесталѣ памятника изображены въ живыхъ группахъ животныя, чаще всего упоминаемыя въ басняхъ Крылова: лисица, волкъ, медвѣдь и друг. У памятника Крылова всегда много дѣтей: иныя затѣваютъ здѣсь игры, другія осматриваютъ памятникъ,—а Крыловъ какъ будто смотритъ на нихъ съ высоты, хотя и съ насмѣшливой, но добродушной улыбкой.....

По наружности Крыловъ былъ высокаго роста, полный, подъ старость даже тучный, съ толстой шеей, громадной головой и очень выразительнымъ лицемъ. Одѣвался нѣсколько небрежно, неряшливо. Ума онъ былъ геніальнаго, способностей необыкновенныхъ и самыхъ разнообразныхъ; образованіе въ молодости получилъ очень небольшое, но самоучкою хорошо дополнилъ его въ теченіе своей долгой жизни. Способности Крылова были такъ велики, что уже подъ старость, когда другъ его, писатель Гнѣдичъ, всю жизнь занимавшійся греческимъ языкомъ, въ отвѣтъ на упрекъ въ медленности перевода знаменитаго греческаго произведенія „Илліады“ на русскій языкъ, сталъ жаловаться на трудность греческаго языка, Крыловъ побился съ Гнѣдичемъ объ закладъ, и при томъ какой-то пустой, что года черезъ два будетъ знать хорошо этотъ языкъ. И точно, Крыловъ почти не выходилъ все это время изъ дому и настолько изучилъ греческій языкъ, что свободно читалъ всѣхъ греческихъ писателей. Онъ даже сперва зачитывался ими, но скоро бросилъ, и прислуга долго растапливала греческими сочиненіями печки. Что Крыловъ былъ замѣчательный писатель, это извѣстно всякому, равно какъ и то, какой онъ былъ великій художникъ. Но въ нравственномъ отношеніи Крыловъ былъ не чуждъ недостатковъ. Мы уже знаемъ, что онъ былъ большой лакомка, сильно любилъ покушать и вообще придавалъ въ жизни большое значеніе матеріальнымъ благамъ. Характера былъ холоднаго, жесткаго; очень практиченъ, насмѣшливъ; къ увлеченіямъ не склоненъ; не симпатично намъ и его пристрастіе къ кар-

тамъ съ большими выигрышами, и правъ былъ Императоръ Александръ I, сожалѣвшій, что Крыловъ проигрываетъ свой талантъ; но Крыловъ былъ человѣкъ, почему и долженъ былъ имѣть нѣкоторые недостатки, что свойственно человѣческой природѣ.

Мы сказали уже, что Крыловъ прославился своими баснями. Басня—это такой видъ литературныхъ произведеній, который для лучшаго его пониманія требуетъ нѣкоторыхъ предварительныхъ разъясненій. Басни принадлежатъ къ числу поэтическихъ произведеній, въ которыхъ изображается предметъ не такимъ, какой онъ въ дѣйствительности, а какой онъ представляется воображенію сочинителя,—а человѣческому воображенію свойственно представлять себѣ предметъ въ видѣ картины; поэтому поэтическія произведенія всегда отличаются картинностью и художественностью; часто ихъ сочиняютъ даже въ стихахъ, чтобы при чтеніи получалось такое впечатлѣніе, какъ будто слушаешь музыку.

Особенностью басни является то, что въ ней не только о чемъ-нибудь разсказывается, но изъ *разсказа* обязательно вытекаетъ нравоученіе, или *мораль;* такъ что басни принадлежатъ къ числу сочиненій, написанныхъ съ цѣлью дать поученіе; такія сочиненія и называются поучительными, или дидактическими. Обыкновенно нравоученіе присоединяется къ баснѣ, въ концѣ ея или въ началѣ; но бываетъ и такъ, что нравоученіе не написано, тѣмъ не менѣе всякій и самъ его легко можетъ вывести изъ разсказа. Въ большинствѣ случаевъ содержаніе басни надо понимать не въ буквальномъ, а въ переносномъ смыслѣ; напр., разсказывается о животныхъ, а подъ ними надо подразумѣвать людей. Это называется *аллегорія.* Точно также въ басняхъ почти всегда есть *сатира,* т. е. насмѣшка надъ изображаемыми въ баснѣ лицами; но бываютъ басни, въ которыхъ ни аллегоріи, ни сатиры нѣтъ; обязательно лишь, чтобы въ баснѣ былъ разсказъ, изъ котораго выводится мораль. Басни вообще не принадлежатъ къ числу сочиненій, интересующихъ читателей: и содержаніе басенъ всегда слишкомъ просто, да люди обыкновенно и не очень любятъ, чтобы имъ давали нравоученія; только замѣчательнымъ писателямъ, въ родѣ нашего Крылова, удавалось прославиться своими баснями. Чаще-же басни сочинялись тогда, когда почему либо, напр., вслѣдствіе строгости правительства, нельзя было сочинять сатиръ; невозможно было осмѣивать пороки высокопоставленныхъ лицъ, тогда осмѣивали львовъ, слоновъ, тигровъ и пр.; вотъ почему въ басняхъ такъ часто бываютъ аллегорія и сатира; но ихъ не трудно было понимать, а потому сатира и въ видѣ басни не разъ навлекала на себя преслѣдованіе.

Знаменитыхъ баснописцевъ считается даже во всемірной литературѣ очень мало, да и то о наиболѣе раннемъ изъ

нихъ, древне-греческомъ писателѣ Эзопѣ, жившемъ будто-бы за 500 лѣтъ до Рождества Христова, можно навѣрное сказать, что его вовсе не было, а Эзопу лишь приписывается сборникъ басенъ, содержаніе которыхъ чаще всего заимствовано изъ греческихъ народныхъ сказокъ о животныхъ, т. е. о лисицѣ, волкѣ и др., иногда сходныхъ и съ нашими русскими сказками,—и къ этимъ сказкамъ присоединено нравоученіе. Другой извѣстный древній баснописецъ Федръ, жившій около времени Рождества Христова, переводилъ эти басни Эзопа на латинскій языкъ, иногда и передѣлывая ихъ, хоть не вполнѣ удачно, но такъ, что въ нихъ видна насмѣшка надъ важными лицами того времени.

Знаменитѣйшимъ баснописцемъ вообще признается Лафонтенъ, французскій писатель, жившій въ XVII вѣкѣ при дворѣ короля Людовика XIV. Именно Лафонтенъ придавалъ баснѣ характеръ сатиры и осмѣивалъ львовъ, тигровъ и волковъ, потому что не смѣлъ осмѣивать пороки своихъ высокопоставленныхъ современниковъ; и все-же, въ концѣ концовъ, Лафонтенъ за свои басни пострадалъ—былъ удаленъ отъ двора. Писалъ Лафонтенъ очень картинно и прекрасными стихами, и басни его и до нынѣ читаются съ удовольствіемъ; ихъ переводили или имъ подражали всѣ послѣдующіе баснописцы, не исключая и нашего Крылова; да и при обученіи у насъ дѣтей французскому языку ихъ заставляютъ заучивать басни Лафонтена, подобно тому какъ на русскомъ они учатъ Крылова.

У насъ были баснописцы и до Крылова, и одинъ изъ нихъ—Хемницеръ—сочинялъ басни очень остроумныя, но для теперешняго времени устарѣлъ языкъ, на которомъ онѣ написаны, и потому ихъ, къ сожалѣнію, мало знаютъ. Упоминали мы уже и о другомъ нашемъ баснописцѣ Дмитріевѣ, поощрившемъ Крылова къ сочиненію басенъ; но Дмитріевъ больше переводилъ басни изъ Лафонтена, чѣмъ сочинялъ собственныя. Знаменитѣйшій у насъ баснописецъ, конечно, Крыловъ, къ обзору басенъ котораго мы теперь и переходимъ.

Написано Крыловымъ 203 басни, если даже не больше, такъ какъ въ настоящее время, хотя уже рѣдко, открываются новыя басни, нѣкогда взятыя у Крылова кѣмъ-либо изъ его пріятелей, затерявшіяся, а теперь найденныя. Огромное большинство басенъ сочинено Крыловымъ до 1825 года, а потомъ онъ писалъ ихъ неохотно. Собственныхъ басенъ Крылова около 168, переводныхъ или подражательныхъ не менѣе 35, а можетъ быть и болѣе; не разъ уже случалось, что басня, считавшаяся сочиненною Крыловымъ, оказывалась передѣланною имъ изъ какого-либо мало извѣстнаго писателя. Для переводовъ и подражаній Крыловъ чаще всего бралъ басни Лафонтена, которыя иногда имъ самимъ были заим-

ствованы у Эзопа или Федра; но Крыловъ иногда пользовался прямо баснями Эзопа; переводилъ онъ и другихъ баснописцевъ,—напр., извѣстная басня „Лжецъ" заимствована у нѣмецкаго писателя Геллерта. Но всѣ переводы и подражанія у Крылова до того искусно приспособлены къ русской жизни, что ихъ не различишь въ этомъ отношеніи отъ его собственныхъ басенъ.

Басни Крылова состоятъ, конечно, изъ разсказа и выводимой изъ него морали. Что касается разсказа, то онъ въ басняхъ Крылова почти всегда очень простъ и не многосложенъ, почему басни не велики, за исключеніемъ двухъ-трехъ въ родѣ „Водолазы" или „Воспитаніе льва"; наоборотъ, гораздо чаще онѣ бываютъ слишкомъ кратки, какъ наприм., „Чижъ и голубь", „Пѣтухъ и жемчужное зерно", и, несмотря на то, даютъ вполнѣ ясное представленіе о томъ, что хотѣлъ сказать Крыловъ. Въ то-же время содержаніе басенъ Крылова чрезвычайно разнообразно; въ нихъ разсказывается то о неодушевленныхъ предметахъ, то о растеніяхъ и животныхъ (чаще всего), то о людяхъ; при чемъ изображаются самыя разнообразныя стороны человѣческаго быта; такъ Крыловъ касается и существующихъ классовъ населенія, и управленія, суда или законовъ, вѣрованій и обрядовъ, воспитанія и обученія; у него есть басни, гдѣ говорится о свадьбѣ и о похоронахъ, о пищѣ людей, ихъ костюмѣ; словомъ, трудно найти какую-либо черту изъ жизни людей, которая-бы не отразилась въ басняхъ Крылова; наконецъ, у него не мало и такихъ басенъ, гдѣ изображены извѣстныя лица, которыя иногда даже названы имъ по имени, напр., князь Кутузовъ-Смоленскій, знаменитый побѣдитель французовъ въ 1812 г. (въ баснѣ „Ворона и Курица"), а если и не названы, то легко могутъ быть узнаны тѣми людьми, которые знаютъ нашу исторію. Такимъ образомъ, разнообразіе разсказа въ басняхъ Крылова огромное, гораздо большее, чѣмъ у Эзопа или Лафонтена,

Мораль въ басняхъ Крылова въ большинствѣ случаевъ присоединена къ разсказу, но иногда и подразумѣвается, напр. въ басняхъ „Слонъ и Моська", „Лжецъ", „Любопытный". Если мораль написана, то она находится иногда въ началѣ басни („Ворона и Лисица", „Волкъ и Ягненокъ"), иногда въ концѣ ея („Мартышка и очки", „Пѣтухъ и жемчужное зерно"); въ иныхъ басняхъ нравоученіе больше самого разсказа („Ягненокъ", „Плотичка"), въ другихъ оно заключается въ одной строчкѣ („Оселъ и Соловей", „Крестьянинъ и Змѣя"). Выводится нравоученіе изъ басни Крыловымъ правильно, хотя иногда слишкомъ узко или слишкомъ широко; напр., изъ басни „Демьянова уха" выводится не то заключеніе, что вообще не слѣдуетъ быть надоѣдливымъ, даже въ гостепріимствѣ, а гораздо болѣе узкое—что писатель не

долженъ надоѣдать своими сочиненіями; наоборотъ, содержаніе басни „Ларчикъ", гдѣ механики мудрецъ изображенъ слишкомъ глупымъ, едва-ли можетъ послужить для столь широкаго, хотя и правильнаго вывода, что часто за дѣло надо приниматься просто, не мудрствуя лукаво. Въ иныхъ басняхъ Крылова выводится такое нравоученіе, съ которымъ не всегда можно согласиться; напр., мы никакъ не рѣшимся осуждать пѣтуха, искавшаго хлѣбное зерно и не оцѣнившаго жемчужнаго; но каждый человѣкъ имѣетъ свои мнѣнія и взгляды на жизнь, и нельзя требовать, чтобы мнѣнія всѣхъ людей были одинаковы.

Какъ это обычно, въ баснѣ Крылова господствуетъ аллегорія: изображены камни („Булыжникъ и Алмазъ"), растенія („Дубъ и Трость", „Василекъ"), животныя (какъ было сказано, чаще всего, напр., лисица, волкъ, овца), и имъ приписаны человѣческія свойства, т. е. подъ этими камнями, растеніями или животными слѣдуетъ понимать людей, съ ними сходныхъ свойствами. Иногда въ баснѣ изображены и люди; тогда Крыловъ выводитъ нравоученіе не только для случая, о которомъ говорится въ баснѣ, а для всякаго подобнаго; напр., басню „Котъ и Поваръ" нельзя понимать въ томъ лишь смыслѣ, что повару не слѣдуетъ читать нравоученіе коту, укравшему жаркое, а прямо отнять его у кота; смыслъ басни иной: вообще не слѣдъ тратить по пустому слова, гдѣ надо пустить въ дѣло власть. Но есть у Крылова и такія басни, гдѣ алегоріи нѣтъ, а содержаніе надо понимать буквально; напр., басня „Два мужика" заключаетъ разсказъ, какъ одинъ мужикъ въ хмѣлю сжегъ свой дворъ, а другой, тоже въ пьяномъ видѣ, упалъ съ лѣстницы и сталъ калѣкой; нравоученіе же здѣсь очевидно такое: Вотъ къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ пьянство!

Наконецъ, басни Крылова въ большинствѣ случаевъ сатирическія, хотя опять таки есть у него и иныя, гдѣ выражено свѣтлое чувство, или печальное, но не насмѣшливое; напр. въ баснѣ „Василекъ", увядающій простенькій цвѣтокъ, чтобы ожить, ждетъ солнечнаго восхода; ему говорятъ, что надежды его напрасны: солнце не обратитъ на него вниманія; но—солнце взошло, оживило всю природу, а въ томъ числѣ и скромный „Василекъ". Въ баснѣ „Два Голубя" изображены печальныя приключенія голубя, бросившаго родной домъ и отправившагося странствовать по свѣту; Крыловъ не смѣется надъ этимъ голубемъ, а жалѣетъ его.

Но такія басни у Крылова не часты, большинство все же сатирическія. О сатирѣ Крылова можно сказать, что она хоть и разнообразна, но не особенно глубока. Крыловъ касается очень многихъ недостатковъ русской жизни или даже общечеловѣческихъ, но такихъ, которые всегда и всякому были ясны; Крыловъ осмѣиваетъ разнаго рода плутовство и

мошенничество, взяточничество и казнокрадство, лицемѣріе и лесть, чванство и лживое смиреніе, скупость и расточительность, произволъ сильныхъ надъ слабыми и выработанное слабыми искусство обманывать сильныхъ; передъ нами проходятъ и недалекій или неразвитый правитель, и недобросовѣстные или глупые вельможи и судьи, и лицемѣрные брамины и гордые чужими заслугами гуси, и зазнавшійся богатствомъ мѣшокъ, не понимающій, что самъ-то по себѣ онъ полное ничтожество, и жалкія беззащитныя овечки, плутоватые, а не то пьяные мужики; но всѣ эти предметы были всегдашнимъ благодарнымъ матеріаломъ для сатиры. Если Крыловъ смѣялся надъ извѣстными личностями, то почти всегда надъ такими, надъ которыми всѣ въ его время смѣялись, напр. надъ французскимъ императоромъ Наполеономъ, очень неудачно напавшимъ на Россію (Волкъ на псарнѣ), надъ адмираломъ, неудачно же командовавшимъ сухопутными войсками (Щука и Котъ), надъ двумя писателями, часто, хотя и незаслужено хвалившими другъ друга (Кукушка и Пѣтухъ), надъ писателями постоянно надоѣдавшими чтеніемъ своихъ сочиненій (Демьянова уха) и т. д.; все это дѣйствительно смѣшно. Можно-бы, конечно, найти у Крылова осмѣиваніе и такихъ лицъ, которыя заслуживали скорѣе сочувствія; но это уже дѣло личнаго взгляда.

Такимъ образомъ мы видимъ, что у Крылова, какъ и у другихъ, есть все то, что обыкновенно бываетъ въ басняхъ: разсказъ, мораль, аллегорія и сатира. Въ чемъ же заключаются тѣ особенности басенъ Крылова, которыя доставили ему столь громкую извѣстность? Вопервыхъ, въ ихъ чрезвычайной художественности: когда читаешь басни Крылова, изображенныя событія и лица кажутся совершенно живыми и невольно забывается неправдоподобность разсказа, въ которомъ животныя и проч. поступаютъ совершенно какъ люди. Особенно поразительно, какъ Крыловъ умѣлъ придать лицамъ своихъ басенъ при вполнѣ цѣльныхъ образахъ двойственный характеръ: его лисицы, волки, ослы — несомнѣнно тѣ животныя, о которыхъ идетъ рѣчь, съ чертами свойственными ихъ породѣ; и въ тоже время это люди съ извѣстными качествами и притомъ такіе, которые каждому изъ насъ часто встрѣчались и хорошо извѣстны. Дѣятельность ихъ изображена такъ живо и натурально, что по баснямъ можно рисовать львовъ, слоновъ, овецъ и проч. и въ видѣ животныхъ и въ видѣ людей, что постоянно и дѣлается и басни Крылова печатаются съ картинками.

Другое достоинство басенъ Крылова — ихъ народность. Повидимому и разсказъ и мораль въ нихъ общечеловѣческая; но они представлены такъ, что получается впечатлѣніе русской жизни. Даже такія животныя, какъ левъ, слонъ, которыя не водятся въ Россіи, подъ перомъ Крылова представляются

вполнѣ русскими людьми. И мораль у Крылова такая, какая часто бываетъ у людей изъ народа,—очень практическая; а еще болѣе народна его насмѣшка, лукавая и въ тоже время добродушная. Именно такъ смѣются русскіе люди.

Художественность и народность басенъ Крылова въ значительной степени зависятъ отъ чудеснѣйшаго языка ихъ. Это тотъ языкъ, которымъ писали въ началѣ XIX вѣка, съ примѣсью народнаго говора центральной Россіи; но соединеніе сдѣлано необычайно красиво, и языкъ Крылова, перешедшій въ школьное изученіе, сталъ впослѣдствіи считаться самымъ лучшимъ русскимъ языкомъ. Правда, заимствовавъ многое, особенно согласованіе и расположеніе словъ, изъ народнаго говора, языкъ Крылова не подходилъ подъ грамматическія правила и потому служилъ для учащихся источникомъ большихъ затрудненій при разборѣ предложеній, но такъ какъ жизнь сильнѣе граматическихъ правилъ, то языкъ Крылова взялъ верхъ и тогда оказалось, что граматика у насъ учитъ говорить такъ, какъ никто не говоритъ, и писать такъ, какъ никто не пишетъ. Это отчасти происходитъ и теперь; однако вліяніе языка басенъ Крылова было громадное, оно сильно упростило языкъ нашего общества, сблизивъ его съ народнымъ. Указать всѣ особенности языка Крылова невозможно; кажется, нѣтъ ни одного граматическаго правила, которое не было-бы нарушено. Крыловъ смѣшивалъ всѣ части рѣчи, выковывалъ слова и настолько мѣтко, что они перешли въ разговорный языкъ, смѣшивалъ всѣ части предложенія, ставилъ подлежащее въ косвенномъ падежѣ или приводилъ его съ предлогомъ и мн. др. Одно мѣшаетъ удивительной ясности языка Крылова — частое употребленіе словъ или выраженій, взятыхъ изъ древнихъ языковъ; приводятся имена греческихъ или римскихъ боговъ и героевъ, названія греческихъ мѣстностей и проч.; но это была мода того времени, когда писалъ Крыловъ, и отъ нея не всякій рѣшался отступать изъ опасенія прослыть невѣждою.

Слогъ Крылова необыкновенно сильный, живой и мѣткій, онъ изобилуетъ всяческими народными выраженіями, пословицами, приводимыми очень умѣстно; многія выраженія изъ басенъ въ свою очередь стали у насъ теперь ходячими поговорками, напр. „А возу все нѣтъ ходу“, или „Бѣда коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги тачать пирожникъ“, или „По мнѣ ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй“, или „А ларчикъ просто открывался“, или „Услужливый дуракъ опаснѣе врага“ и т. п. Стихи, которыми писались басни, тоже очень хороши; они точно текутъ чрезвычайно натурально, напоминая свободную рѣчь безъ запинокъ; но особенной музыкальности, какая есть напр. въ стихахъ Пушкина или Лермонтова, стихи Крылова не имѣютъ; попадаются и хромые стихи, и убогая рифма; Крыловъ за этимъ не гонялся.

Какъ писатель басенъ, Крыловъ почти не имѣлъ послѣдователей, но это не его вина. Мы уже говорили, что это видъ сочиненій, не особенно любимый читателями, особенно когда можно писать сатиры; но Крыловъ имѣлъ и до сихъ поръ имѣетъ большое вліяніе на многихъ позднѣйшихъ писателей естественностью и правдивостью своихъ басенъ, а еще болѣе ихъ языкомъ и слогомъ. Особенно сказывалось вліяніе Крылова потому, что обыкновенно на его басняхъ воспитываются дѣти, часто даже эти басни представляютъ ихъ главную умственную пищу; но, по нашему мнѣнію, это уже крайность. Для выработки въ дѣтяхъ способности свободно излагать мысли, разговаривать, разсказывать — басни Крылова очень подходящи; неясныя въ нихъ выраженія, напр., взятыя изъ древнихъ языковъ, легко объяснитъ всякій воспитатель; и содержаніе ихъ всегда приличное, кромѣ какихъ нибудь двухъ, трехъ строчекъ въ баснѣ „Муха и дорожные", смысла которыхъ дѣти и не поймутъ. Но мы полагаемъ, что басни Крылова, наравнѣ съ народными и иными сказками, которыми часто развлекаютъ дѣтей, переносятъ ихъ въ міръ фантазіи и дѣйствуютъ на воображеніе, а потому необходимо, не заглушая ее, чтобы не лишить дѣтей присущей имъ столь привлекательной поэтичности, знакомить ихъ и съ дѣйствительнымъ міромъ, давая хотя бы элементарныя свѣдѣнія о растеніяхъ, животныхъ, описанія картинъ природы, объясненія ея явленій и проч. Прежде это пренебрегалось, но теперь всюду соблюдается. Другое, и по нашему мнѣнію еще большее неудобство воспитанія дѣтей исключительно на басняхъ Крылова заключается въ томъ, что въ нихъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ даются изображенія черныхъ сторонъ жизни; менѣе всего желали-бы мы, чтобы дѣти пріучались видѣть жизнь въ розовомъ цвѣтѣ; но басни Крылова въ суммѣ даютъ столь печальную картину жизни, что можно вывести о ней самое безотрадное впечатлѣніе, а это совершенно невѣрно: жизнь имѣетъ и свои радости и свои огорченія, и рѣшительно нѣтъ основанія воспитывать дѣтей въ одностороннемъ ожиданіи, что имъ прійдется жить исключительно среди всякаго рода безчестныхъ людей. Не винимъ Крылова за такое содержаніе его басенъ, сочинитель долженъ изображать то, на изображеніе чего чувствуетъ себя способнымъ, и отрицательное отношеніе къ жизни имѣетъ иногда свои основанія; но этого дѣтямъ не объяснишь, какъ слѣдуетъ. И самая мораль, вытекающая изъ басенъ Крылова, не всегда подходитъ къ дѣтскому возрасту; зачастую она слишкомъ практична. Лисица обманула ворону—дура ворона и умница лисица! Лисица присудила утопить преступницу щуку въ рѣкѣ; ловко она обдѣлала дѣло! Левъ ограбилъ товарищей—сила солому ломитъ! Есть такія басни (Водолазы, Червонецъ), которыя кажутся на-

правленными противъ образованія, а точнаго смысла ихъ дѣтямъ не объяснишь. Само собою разумѣется, что у Крылова есть басни, и такихъ большинство, мораль которыхъ очень симпатична; но и въ тѣхъ часто она мало доступна дѣтскому пониманію и даже можетъ быть истолкована неправильно. Такимъ образомъ, мы считаемъ, что басни Крылова могутъ быть чрезвычайно полезнымъ орудіемъ въ дѣлѣ воспитанія только въ рукахъ опытнаго педагога, чуждаго односторонности. Но еще вопросъ, писалъ-ли Крыловъ свои басни для дѣтей? По крайней мѣрѣ многія изъ нихъ, особенно тѣ, въ которыхъ находятся намеки на историческія событія, явно написаны Крыловымъ или какъ сатира, или на поученіе взрослымъ. А въ такомъ случаѣ насмѣшки Крылова и практичность его морали имѣютъ свое историческое основаніе. Во всякомъ случаѣ въ лицѣ Крылова мы имѣли великаго писателя—художника, и при томъ именно такого, о сочиненіяхъ котораго можно сказать: Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ! Въ этомъ его право на знаменитость.

ИЗБРАННЫЯ БАСНИ И. А. КРЫЛОВА.

Ворона и лисица.

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не въ прокъ,
И въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ.

Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру;
На ель ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсѣмъ ужъ собралась,
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.
На ту бѣду лиса близехонько бѣжала.
Вдругъ сырный духъ лису остановилъ:
Лисица видитъ сыръ—лисицу сыръ плѣнилъ.
Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ;
Вертитъ хвостомъ, съ вороны глазъ не сводитъ,
И говоритъ такъ сладко, чуть дыша:
«Голубушка, какъ хороша!
Ну, что за шейка, что за глазки!
Разсказывать, такъ, право, сказки!
Какія перышки! Какой носокъ!
И, вѣрно, ангельскій быть долженъ голосокъ!
Спой, свѣтикъ, не стыдись! Что ежели, сестрица,
При красотѣ такой и пѣть ты мастерица,
Вѣдь ты-бъ у насъ была царь-птица!»
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу дыханье сперло—
И на привѣтливы лисицины слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыръ выпалъ — съ нимъ была плутовка такова.

Волкъ и ягненокъ.

У сильнаго всегда безсильный виноватъ;
Тому въ исторіи мы тьму примѣровъ слышимъ,

Но мы исторіи не пишемъ;
А вотъ, о томъ какъ въ басняхъ говорятъ.

—

Ягненокъ въ жаркій день зашелъ къ ручью напиться;
И надобно-жъ бѣдѣ случиться,
Что около тѣхъ мѣстъ голодный рыскалъ волкъ.
Ягненка видитъ онъ, на добычу стремится;
Но, дѣлу дать хотя законный видъ и толкъ,
Кричитъ: «какъ смѣешь ты, наглецъ, нечистымъ рыломъ
Здѣсь чистое мутить питье
Мое
Съ пескомъ и съ иломъ?
За дерзость такову
Я голову съ тебя сорву!»
— «Когда свѣтлѣйшій волкъ позволитъ,
Осмѣлюсь я донесть, что ниже по ручью
Отъ свѣтлости его шаговъ я на сто пью;
И гнѣваться напрасно онъ изволитъ:
Питья мутить ему никакъ я не могу.»
— «Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана-ль такая дерзость въ свѣтѣ!
Да помнится, что ты еще въ запрошломъ лѣтѣ
Мнѣ здѣсь-же какъ-то нагрубилъ:
Я этого, пріятель, не забылъ!»
— «Помилуй, мнѣ еще и отъ роду нѣтъ году»,
Ягненокъ говоритъ.—«Такъ это былъ твой братъ».
— «Нѣтъ братьевъ у меня». — «Такъ это кумъ иль сватъ,
И словомъ, кто-нибудь изъ вашего-же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы всѣ мнѣ зла хотите,
И если можете, то мнѣ всегда вредите;
Но я съ тобой за ихъ развѣдаюсь грѣхи».
— «Ахъ, я чѣмъ виноватъ?»—«Молчи! усталъ я слушать.
Досугъ мнѣ разбирать вины твои, щенокъ!
Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать».
Сказалъ, и въ темный лѣсъ ягненка поволокъ.

Волкъ на псарнѣ.

Волкъ ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ, и рвутся вонъ на драку;
Псари кричатъ: «ахти, ребята, воръ!»

И вмигъ ворота на запоръ;
Въ минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
«Огня!» кричатъ: «огня!» Пришли съ огнемъ.
Мой волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ.
Зубами щелкая, и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ-бы всѣхъ онъ съѣсть;
Но, видя то, что тутъ не передъ стадомъ,
И что приходитъ, наконецъ,
Ему расчесться за овецъ,
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры,
И началъ такъ: «друзья! къ чему весь этотъ шумъ?
Я, вашъ старинный сватъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры;
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!
А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ.
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...»—«Послушай-ка, сосѣдъ»,
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
«Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой».
И тутъ-же выпустилъ на волка гончихъ стаю.

Лжецъ.

Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
Какой-то дворянинъ (а можетъ быть, и князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,—
И къ былямъ небылицъ безъ счету прилагалъ.
«Нѣтъ», говоритъ; «что я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко.
Вотъ тамъ-то прямо рай!
И вспомнить такъ душѣ отрада!
Ни шубъ, ни свѣчъ совсѣмъ не надо:
Не знаешь вѣкъ, что есть ночная тѣнь,
И круглый Божій годъ все видишь майскій день.

Никто тамъ ни садитъ, ни сѣетъ;
А если-бъ посмотрѣлъ, что тамъ растетъ и зрѣетъ!
Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ:
Ахъ, мой творецъ!
И по сію не вспомнюсь пору!
Повѣришь-ли? ну, право, былъ онъ съ гору».
— «Что за диковина!» пріятель отвѣчалъ:
«На свѣтѣ чудеса разсѣяны повсюду;
Да не вездѣ ихъ всякій примѣчалъ.
Мы сами вотъ теперь подходимъ къ чуду,
Какого ты нигдѣ, конечно, не встрѣчалъ,
И я въ томъ спорить буду.
Вонъ, видишь-ли, черезъ рѣку тотъ мостъ,
Куда намъ путь лежитъ? Онъ съ виду хоть и простъ,
А свойство чудное имѣетъ:
Лжецъ ни одинъ у насъ по немъ пройти не смѣетъ:
До половины не дойдетъ —
Провалится, и въ воду упадетъ;
Но кто не лжетъ
Ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретѣ».
— «А какова у васъ рѣка?»
— «Да не мелка.
Такъ видишь-ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ!
Хоть римскій огурецъ великъ, нѣтъ спору въ томъ:
Вѣдь съ гору, кажется, ты такъ сказалъ о немъ?»
— «Гора хоть не гора, но, право, будетъ съ домъ».
— «Повѣрить трудно!
Однакожъ какъ ни чудно,
А все чуде́нъ и мостъ, по коемъ мы пойдемъ,
Что онъ лжеца никакъ не подымаетъ;
И нынѣшней еще весной
Съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)
Два журналиста да портной.
Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной
Диковинка, коль это справедливо».
— «Ну, не такое еще диво;
Вѣдь надо знать, какъ вещи есть:
Не думай, что вездѣ по-нашему хоромы;
Что тамъ за домы:
Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзть,
И то ни стать, ни сѣсть!»
— «Пусть такъ, но все признаться должно,
Что огурецъ не грѣхъ за диво счесть,
Въ которомъ двумъ усѣсться можно.
Однако-жъ мостъ-атъ нашъ каковъ,
Что лгунъ не сдѣлаетъ по немъ пяти шаговъ,
Какъ тотчасъ въ воду!
Хоть римскій твой и чуденъ огурецъ»...

— «Послушай-ка», тутъ перервалъ мой лжецъ:
«Чѣмъ на мостъ намъ идти, поищемъ лучше броду».

Щука и котъ.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ.
А сапоги точать пирожникъ:
И дѣло не пойдетъ на ладъ;
Да и примѣчено сто кратъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ за всегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубитъ,
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить, иль выслушать разумнаго совѣта.

—

Зубастой щукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью-ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ быть, ей рыбный столъ наскучилъ;
Но только вздумала кота она просить,
Чтобъ взялъ её съ собой онъ на охоту,
Мышей въ амбарѣ половить.
«Да, полно, знаешь-ли ты эту, свѣтъ, работу?»
Сталъ щукѣ Васька говорить:
«Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится».
— «И, полно, куманекъ! Вотъ нéвидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей».
— «Такъ въ добрый часъ, пойдемъ!» Пошли, засѣли.
Натѣшился, наѣлся котъ,
И кумушку провѣдать онъ идетъ;
А щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ, видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.
И дѣльно! Это, щука,
Тебѣ наука:
Впередъ умнѣе быть,
И за мышами не ходить.

Пѣтухъ и жемчужное зерно.

Навозну кучу разрывая,
Пѣтухъ нашелъ жемчужное зерно,
И говоритъ: «куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо-ль, что его высоко такъ цѣнятъ?
А я-бы, право, былъ гораздо болѣ радъ
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно».

—

Невѣжды судятъ точно такъ:
Въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ пустякъ.

Оселъ и соловей.

Оселъ увидѣлъ соловья,
И говоритъ ему: «послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище:
Хотѣлъ-бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико-ль подлинно твое умѣнье?»
Тутъ соловей являть свое искусство сталъ:
Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры:
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
«Изрядно», говоритъ: «сказать не ложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще-бъ ты болѣ навострился,
Когда-бы у него немножко поучился».
Услыша судъ такой, мой бѣдный соловей
Вспорхнулъ—и полетѣлъ за тридевять полей.

—

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей.

Слонъ и моська.

По улицамъ слона водили,
Какъ видно, на показъ.
Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ;
Такъ за слономъ толпы зѣвакъ ходили,
Отколѣ ни возьмись, на встрѣчу моська имъ.
Увидѣвши слона, ну на него метаться
И лаять, и визжать, и рваться;
Ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
«Сосѣдка, перестань срамиться»,
Ей шавка говоритъ: «тебѣ-ль съ слономъ возиться?
Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ
Впередъ,
И лаю твоего совсѣмъ не примѣчаетъ».
— «Эхъ, эхъ!» ей моська отвѣчаетъ:
«Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,
Что я, совсѣмъ безъ драки,
Могу попасть въ большіе забіяки.
Пускай-же говорятъ собаки:
Ай моська! знать, она сильна.
Что лаетъ на слона!»

Мѣшокъ.

Въ прихожей на полу,
Въ углу,
Пустой мѣшокъ валялся.
У самихъ низкихъ слугъ
Онъ на обтирку ногъ нерѣдко помыкался;
Какъ вдругъ
Мѣшокъ нашъ въ честь попался,
И, весь червонцами набитъ,
Въ окованномъ ларцѣ въ сохранности лежитъ.
Хозяинъ самъ его лелѣетъ,
И бережетъ мѣшокъ онъ такъ,
Что на него никакъ
Ни вѣтеръ не пахнетъ, ни муха сѣсть не смѣетъ!
А сверхъ того съ мѣшкомъ
Весь городъ сталъ знакомъ:
Пріятель-ли къ хозяину приходитъ,
Охотно о мѣшкѣ рѣчь ласкову заводитъ;
А ежели мѣшокъ открытъ,
То всякій на него умильно такъ глядитъ;
Когда-же кто къ нему подсядетъ,
То вѣрно ужъ его потреплетъ иль погладитъ.

Увидя, что у всѣхъ онъ сталъ въ такой чести,
Мѣшокъ завеличался,
Заумничалъ, зазнался,
Мѣшокъ заговорилъ, и началъ вздоръ нести;
О всемъ и рядитъ онъ и судитъ:
И то не такъ,
И тотъ дуракъ,
И изъ того-то худо будетъ.
Всѣ только слушаютъ его, разинувъ ротъ;
Хоть онъ такую дичь несетъ,
Что уши вянутъ;
Но у людей, къ несчастью, тотъ порокъ,
Что имъ съ червонцами мѣшокъ
Что ни скажи, всему дивиться станутъ.
Но долго-ль былъ мѣшокъ въ чести, и слылъ съ умомъ,
И долго-ли его ласкали?
Пока всѣ изъ него червонцы потаскали;
А тамъ онъ выброшенъ, и слуху нѣтъ о немъ.

—

Мы басней никого обидѣть не хотѣли;
Но сколько есть такихъ мѣшковъ
Между откупщиковъ,
Которы нѣкогда въ подносчикахъ сидѣли;
Иль между игроковъ,
Которы у себя за рѣдкость рубль видали,
А нынѣ, пополамъ съ грѣхомъ, богаты стали;
Съ которыми теперь и графы, и князья —
Друзья;
Которые теперь съ вельможей,
У коего они не смѣли сѣсть въ прихожей,
Играютъ запросто въ бостонъ?
Велико дѣло — милліонъ!
Однако-же, друзья, вы столько не гордитесь!
Сказать-ли правду вамъ тишкомъ?
Не дай Богъ, если разоритесь:
И съ вами точно такъ поступятъ, какъ съ мѣшкомъ.

Котъ и поваръ.

Какой-то поваръ, грамотѣй,
Съ поварни побѣжалъ своей
Въ кабакъ (онъ набожныхъ былъ правилъ,
И въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ),
А дома стеречи съѣстное отъ мышей
Кота оставилъ.
Но что-же, возвратясь, онъ видитъ? На полу

Объѣдки пирога; а Васька-котъ въ углу,
Припавъ за уксуснымъ боченкомъ,
Мурлыча и ворча, трудится надъ курченкомъ.
«Ахъ, ты, обжора! ахъ, злодѣй!»
Тутъ Ваську поваръ укоряетъ:
«Не стыдно-ль стѣнъ тебѣ, не только что людей?»
(А Васька все-таки курченка убираетъ).
Какъ! бывъ честнымъ котомъ до этихъ поръ,
Бывало, за примѣръ тебя смиренства кажутъ,
А ты... ахти, какой позоръ!
Теперя всѣ сосѣди скажутъ:
Котъ-Васька плутъ! котъ-Васька воръ!
И Ваську-де, не только что въ поварню,
Пускать не надо и на дворъ,
Какъ волка жаднаго въ овчарню;
Онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ»!
(А Васька слушаетъ да ѣстъ).
Тутъ риторъ мой, давъ волю словъ теченью,
Не находилъ конца нравоученью.
Но что-жъ? Пока его онъ пѣлъ,
Котъ-Васька все жаркое съѣлъ.

—

А я-бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить:
Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по пустому,
Гдѣ нужно власть употребить.

Гуси.

Предлинной хворостиной
Мужикъ гусей гналъ въ городъ продавать;
И, правду истинну сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиный:
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
Я мужика и не виню;
Но гуси иначе объ этомъ толковали,
И, встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пеняли:
«Гдѣ можно насъ, гусей, несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
И насъ, какъ будто бы простыхъ гусей, гоняетъ;
А этого не смыслитъ неучъ сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ;
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей,

Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ;
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены!»
— «А вы хотите быть за что отличены?»
Спросилъ прохожій ихъ. — «Да наши предки...» — «Знаю,
И все читалъ; но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?»
— «Да наши предки Римъ спасли!»
— «Все такъ, да вы что сдѣлали такое?»
— «Мы? ничего!» — «Такъ что жъ и добраго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ по дѣломъ была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое.»

—

Баснь эту можно бы и болѣ пояснить;
Да чтобъ гусей не раздразнить.

Квартетъ.

Проказница-мартышка,
Оселъ,
Козелъ
Да косолапый мишка
Затѣяли сыграть квартетъ.
Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрипки,
И сѣли на лужокъ подъ липки
Плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ.
Ударили въ смычки — дерутъ, а толку нѣтъ.
«Стой, братцы, стой!» кричитъ мартышка: «погодите!
Какъ музыкѣ итти? вѣдь вы не такъ сидите.
Ты съ басомъ, мишенька, садись противъ альта,
Я, прима, сяду противъ вторы;
Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!»
Разсѣлись, начали квартетъ;
Онъ все-таки на ладъ нейдетъ.
«Постойте жъ, я сыскалъ секретъ,»
Кричитъ оселъ: «мы вѣрно ужъ поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ.»
Послушались осла: усѣлись чинно въ рядъ;
А все-таки квартетъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ, пуще прежняго, пошли у нихъ раздоры
И споры,
Кому и какъ сидѣть.
Случилось соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье;
«Пожалуй», говорятъ: «возьми на часъ терпѣнье,

Чтобы квартетъ въ порядокъ нашъ привесть:
И ноты есть у насъ, и инструменты есть;
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть»!
— «Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ понѣжнѣе».
Имъ отвѣчаетъ соловей:
«А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь».

Лебедь, щука и ракъ.

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ —
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ,
И выйдетъ изъ него не дѣло, только мука.

Однажды лебедь, ракъ да щука
Везти съ поклажей возъ взялись,
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись;
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу!
Поклажа-бы для нихъ казалась и легка:
Да лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ, — судить не намъ;
Да только возъ и нынѣ тамъ.

Любопытный.

«Пріятель дорогой, здорово! гдѣ ты былъ?»
— «Въ кунсткамерѣ, мой другъ! Часа тамъ три ходилъ;
Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,
Повѣришь-ли, не станетъ ни умѣнья
Пересказать тебѣ, ни силъ.
Ужъ подлинно, что тамъ чудесъ палата!
Куда на выдумки природа таровата!
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!
Какія бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Однѣ какъ изумрудъ, другія какъ кораллъ!
Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣе булавочной головки!»
— «А видѣлъ-ли слона? Каковъ собой на взглядъ!
Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ?»
— «Да развѣ тамъ онъ?»—«Тамъ».—«Ну, братецъ, виноватъ:
Слона-то я и не примѣтилъ».

Демьянова уха.

«Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуйста, покушай».
— «Сосѣдушка, я сытъ по горло». — «Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!»
— «Я три тарелки съѣлъ». — «И, полно, что за счеты;
Лишь стало-бы охоты,
А то во здравье: ѣшь до дна!
Что за уха! Да какъ жирна:
Какъ будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь-же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!»
Такъ потчивалъ сосѣдъ-Демьянъ сосѣда-Фоку,
И не давалъ ему ни отдыху, ни сроку;
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ,
Однако-же еще тарелку онъ беретъ,
Сбирается съ послѣдней силой,
И очищаетъ всю. «Вотъ друга я люблю!»
Вскричалъ Демьянъ: «зато ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай-же еще тарелочку, мой милый!»
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку —
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой».

—

Писатель, счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь,
Но если помолчать во-время не умѣешь,
И ближняго ушей ты не жалѣешь,
То вѣдай, что твои и проза, и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ демьяновой ухи.

Зеркало и обезьяна.

Мартышка, въ зеркалѣ увидя образъ свой,
Тихохонько медвѣдя толкъ ногой;
«Смотри-ка», говоритъ: «кумъ милый мой!
Что это тамъ за рожа?
Какія у нея ужимки и прыжки!
Я удавилась-бы съ тоски,
Когда-бы на нее хоть чуть была похожа.
А, вѣдь признайся, есть

Изъ кумушекъ моихъ такихъ кривлякъ пять-шесть:
Я даже ихъ могу по пальцамъ перечесть».
— «Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше-ль на себя, кума, оборотиться?»
Ей Мишка отвѣчалъ;
Но мишенькинъ совѣтъ лишь попусту пропалъ.

Такихъ примѣровъ много въ мірѣ:
Не любитъ узнавать никто себя въ сатирѣ.
Я даже видѣлъ то вчера:
Что Климычъ на руку не чистъ, всѣ это знаютъ;
Про взятки Климычу читаютъ,
А онъ украдкою киваетъ на Петра.

Лисица и виноградъ.

Голодная кума-лиса залѣзла въ садъ;
Въ немъ винограду кисти рдѣлись.
У кумушки глаза и зубы разгорѣлись;
А кисти сочныя, какъ яхонты, горятъ;
Лишь то бѣда — висятъ онѣ высоко:
Отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ,
Хоть видитъ око,
Да зубъ неймется.
Пробившись попусту часъ цѣлый,
Пошла и говоритъ съ досадою: «ну, что-жъ?
На взглядъ-то онъ хорошъ,
Да зеленъ — ягодки нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину набьешь!»

Два мужика.

«Здорово, кумъ Ѳаддей!» — «Здорово, кумъ Егоръ!»
— «Ну, каково, пріятель, поживаешь?»
— «Охъ, кумъ, бѣды моей, что вижу ты не знаешь!
Богъ посѣтилъ меня: я сжегъ до тла свой дворъ,
И по міру пошелъ съ тѣхъ поръ».
— «Какъ такъ? Плохая, кумъ, игрушка!»
— «Да такъ! О Рождествѣ была у насъ пирушка;
Я со свѣчей пошелъ дать корму лошадямъ.
Признаться, въ головѣ шумѣло;
Я какъ-то заронилъ, насилу спасся самъ;
А дворъ и все добро сгорѣло.
Ну, ты какъ?» — «Охъ, Ѳаддей, худое дѣло!

И на меня прогнѣвался, знать, Богъ:
Ты видишь — я безъ ногъ;
Какъ самъ остался живъ, считаю, право, дивомъ.
Я, тожъ о Рождествѣ, пошелъ въ ледникъ за пивомъ,
И тоже черезъ-чуръ, признаться, я хлебнулъ
Съ друзьями полугару;
А чтобъ въ хмѣлю не сдѣлать мнѣ пожару,
Такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ;
Анъ бѣсъ меня въ потьмахъ такъ съ лѣстницы толкнулъ,
Что сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ не человѣка,
И вотъ я съ той поры калѣка».
— «Пеняйте на себя, друзья!»
Сказалъ имъ сватъ Степанъ: «коль молвить правду, я
Совсѣмъ не чту за чудо,
Что ты сожегъ свой дворъ, а ты на костыляхъ:
Для пьянаго и со свѣчою худо,
Да врядъ не хуже-ль и въ потьмахъ».

Волкъ и котъ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ,
Не въ гости, но животъ спасая;
За шкуру онъ свою дрожалъ:
Охотники за нимъ гнались и гончихъ стая.
Онъ радъ-бы въ первыя тутъ шмыгнуть ворота,
Да то лишь горе,
Что всѣ ворота на запорѣ.
Вотъ видитъ волкъ мой на заборѣ
Кота,
И молвитъ: «Васенька, мой другъ! скажи скорѣе,
Кто здѣсь изъ мужичковъ добрѣе,
Чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ?
Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ роговъ?
Все это, вѣдь, за мной». — «Проси скорѣй Степана:
Мужикъ предобрый онъ», котъ-Васька говоритъ.
— «То такъ; да у него я ободралъ барана».
— «Ну, попытайся-жъ у Демьяна».
— «Боюсь, что на меня и онъ сердитъ:
Я у него унесъ козленка».
— «Бѣги-жъ, вонъ тамъ живетъ Трофимъ».
— «Къ Трофиму? Нѣтъ, боюсь и встрѣтиться я съ нимъ:
Онъ на меня съ весны грозится за ягненка!»
— «Ну, плохо-жъ! Но авось тебя укроетъ Климъ!»
— «Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я теленка!»
— «Что вижу, кумъ: ты всѣмъ въ деревнѣ насолилъ!»
Сказалъ тутъ Васька волку:

«Какую-жъ ты себѣ защиту здѣсь сулилъ?
Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько мало толку,
Чтобъ на свою бѣду тебя спасли они.
И правы—самъ себя вини:
Что ты посѣялъ, то и жни».

Волки и овцы.

Овечкамъ отъ волковъ совсѣмъ житья не стало,
И до того, что наконецъ
Правительство звѣрей благія мѣры взяло
Вступиться въ спасеніе овецъ:
И учрежденъ совѣтъ на сей конецъ.
Большая часть въ немъ, правда, были волки;
Но не о всѣхъ волкахъ, вѣдь, злые толки.
Видали и такихъ волковъ и многократъ—
Примѣты эти не забыты —
Которые ходили близко стадъ
Смирнехонько, когда бывали сыты;
Такъ почему-жъ волкамъ въ совѣтѣ и не быть?
Хоть надобно овецъ оборонить,
Но и волковъ не вовсе-жъ притѣснить.
Вотъ, засѣданіе въ глухомъ лѣсу открыли;
Судили, думали, рядили,
И наконецъ придумали законъ.
Вотъ вамъ, отъ слова въ слово онъ:
«Какъ скоро волкъ у стада забуянитъ,
И обижать онъ о́вцу станетъ,
То волка тутъ властна овца,
Не разбираючи лица,
Схватить за шиворотъ, и въ судъ тотчасъ представить,
Въ сосѣдній лѣсъ иль въ боръ».
Въ законѣ нечего прибавить, ни убавить;
Да только я видалъ до этихъ поръ —
Хоть, говорятъ, волкамъ и не спускаютъ —
Что будь овца отвѣтчикъ иль истецъ,
А только волки все-таки овецъ
Въ лѣса таскаютъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

въ Кирилло-Меѳодіевскомъ книжномъ складѣ при Одесск. Славян. Обществѣ

(Старопортофранковская улица,
зданіе Городской Аудиторіи народныхъ чтеній).

Тамъ-же имѣются въ продажѣ, кромѣ книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія различныхъ издателей, еще и слѣдующія книги собственнаго изданія:

1) Русь и Византія въ X вѣкѣ. Проф. Ѳ. Успенскаго . . 50 к.
2) О значеніи христіанства въ Исторіи Русскаго Государства. С. Бракенгеймера . . . . 10 „
3) 900-лѣтіе Крещенія Руси. П. Занкова. . . . . 5 „
4) О воспитаніи слѣпыхъ. А. Дабѣжа . . . . 15 „
5) Открытіе памятника Пушкину въ Одессѣ. Сборникъ . . 50 „
6) Обзоръ книгъ для дѣтскаго чтенія примѣнительно ко всякому возрасту . . . . 20 „
7) Ясная Поляна (журналъ графа Л. Толстаго). Книжка 1-я. Робинзонъ. 10 „
8) Ясная Поляна (журналъ графа Л. Толстаго). Книжка 2-я. Колумбъ. . . . . 10 „
9) М. Ю. Лермонтовъ. 15 Іюля 1841—15 Іюля 1891 г. Для школъ и народа. . . . . 20 „
10) Стекло, какъ и изъ чего оно дѣлается. . . . . 7 „
11) Полное собраніе стихотвореній А. В. Кольцова съ біографіей. Изданіе 2-е. . . . . 10 „
12) Біографіи де-Рибаса, Ришелье и Воронцова. Ко дню столѣтія г. Одессы. Проф. В. Яковлева . . . . 15 „
13) Прошлое и настоящее Одессы. Историко-географическій очеркъ по поводу столѣтія Одессы. С. Чудновскаго 25 „
14) Воспитаніе Петра Великаго. В. Ястребова. Изданіе второе . . . . 10 „
15) О заразныхъ болѣзняхъ и мѣрахъ борьбы съ ними. 3 общедоступныя лекціи д-ра М. Бурды, читанныя въ Городской Аудиторіи Народныхъ Чтеній . . . . 15 „

Покупателямъ указанныхъ изданій изъ Кирилло-Меѳодіевскаго книжнаго склада (складъ помѣщается при Городской Аудиторіи Народныхъ Чтеній) дѣлается уступка въ 30%.

ЦѢНА 5 КОП.